

005043078

На правах рукописи

МОСКАЛЕНКО Екатерина Алексеевна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ
ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА
(на материале английского и русского языков)**

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

17 МАЙ 2012

Ставрополь – 2012

Работа выполнена

в ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Серебрякова Светлана Васильевна
ФГБОУ ВПО «Ставропольский
государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ласкова Марина Васильевна
зав. кафедрой перевода и информатики
Педагогического института ФГАОУ ВПО
«Южный Федеральный университет»

кандидат филологических наук, доцент
Калинин Игорь Владимирович
зав. кафедрой лингвистики,
межкультурной коммуникации и туризма
ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский
государственный технический
университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Пятигорский
государственный лингвистический
университет»**

Защита диссертации состоится 28 мая 2012 года в 10 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.256.02 при ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет» по адресу: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1а, аудитория 416.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет» по адресу: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 120.

Автореферат разослан «» апреля 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук

 А.А. Фокин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Статус неофициальных именованных лиц предопределяется их квалификацией как особых именных знаков в лексической системе языка в целом и в ономастическом корпусе в частности. В различных коммуникативных ситуациях они выступают знаками идентификации и характеристики лица, индикаторами психологических состояний субъекта, маркерами рациональной и эмоциональной оценки, экстралингвистически детерминированными знаками иллюкутивного воздействия, что можно считать свидетельством их полифункциональности и высокого коммуникативно-прагматического потенциала.

Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, тем, что неофициальные именованные лица, составляя значительный лексический пласт антропонимов, занимают, тем не менее, периферийное положение в лексикографической теории и практике, несмотря на их чрезвычайную важность для неформальной коммуникации. Авторитетный ученый в этой области А.В. Суперанская (1973) указывает на настоятельную потребность в обновленных общих ономастических теориях с привлечением всех разрядов ономастической лексики. Опыт предыдущих исследований показал, что без логики, исходя из одних лишь языковых категорий, такая теория не может быть построена. В силу специфического характера ономастической лексики, ее теснейшей связи с именуемыми объектами, социальной обусловленности имен их лингвистическая ценность измеряется социальной, исторической, географической, экономической, культурной значимостью, а их судьба в языке определяется экстралингвистическими факторами. В.Д. Девкин справедливо отмечает, что переименования, куда входят и вторичные неофициальные именованные лица, «совершенно неоправданно продолжают оставаться за бортом языкознания» (Девкин, 2001: 31). Корпус неофициальных и прозвищных имен – это к тому же не «данные» в языке единицы (Телия, 1996: 81), а образования, порождаемые актом коммуникации и лексикографически, как правило, не фиксируемые, что также свидетельствует об **актуальности** предпринятого исследования.

Объектом исследования являются неофициальные номинации лица в английском и русском языках, а его **предметом** – функционально-прагматические особенности неофициальных именованных как вторичных номинаций.

В работе выдвигается **гипотеза**, согласно которой любое именованное лицо, созданное в результате свободного именованного творчества вне официального процесса номинации, в том числе и прозвищного характера,

преследует сугубо прагматическую цель и наделяется интенционально заданной функцией.

Цель исследования – выявление функционально-прагматических особенностей неофициальных именовании лица с опорой на лексикографические источники и художественные тексты.

Достижение данной цели обеспечивается решением следующих задач:

- 1) определить понятие «неофициальное именование лица» с учетом объекта исследования и ракурса его изучения;
- 2) установить сходства и различия между официальными и неофициальными именованьями лица;
- 3) описать словообразовательные модели и особенности формирования неофициальных и прозвищных именовании лица;
- 4) выявить функционально-прагматические особенности исследуемых номинативных единиц в текстовом пространстве классической и современной художественной литературы;
- 5) установить экстралингвистическую детерминированность неофициальных именовании лица.

Материалом исследования послужили более 1500 контекстов с неофициальными и прозвищными именованьями лица, полученных в результате сплошной выборки из произведений классической и современной художественной литературы российских, английских и американских писателей, их переводов на русский язык, а также из лексикографических источников.

Теоретическую основу работы составили труды таких отечественных и зарубежных ученых в области антропонимики, как Е.Ф. Данилина (1969, 1970), Д.И. Ермолович (2001), Л.П. Ефанова (2001), С.И. Зинин (1970), В.В. Катермина (2004), О.А. Леонович (1994), В.А. Никонов (1974), С.Ю. Потапова (2003), А.А. Сергеева (1991), А.В. Суперанская (1969, 1973, 1978), Н.Н. Ушаков (1978), А. Гардинер (1940), О. Есперсен (1958), В. Кани (1992); словообразования: В.М. Грязнова (1993), Е.С. Кубрякова (1972), В.Н. Немченко (1984), В.А. Плунгян (2003), И.С. Улуханов (1996); лингвокультурологии: В.И. Карасик (1992, 2002), В.А. Маслова (2004), А.М. Погорелко (2001); теории и прагматики текста: Л.Г. Бабенко (2004), В.Ф. Белова (2009), Н.С. Болотнова (2007), Н.В. Васильева (2005), В.А. Лукин (2005), М.В. Нехиева (2009), Л.В. Поповская (Лисоченко) (2006); прагматлингвистики: Э.С. Азнаурова (1988), Н.Д. Арутюнова (1985), М.В. Малащенко (2003), О.Н. Новикова (2009); оценочной семантики: Н.Д. Арутюнова (1998), Е.М. Вольф (2002), В.Н. Телия (1986).

Для достижения поставленной цели использовались следующие **методы**: инвентаризация и систематизация исследуемых именовании;

приемы ономаσιологического подхода, на основе которого анализировались способы образования вторичных номинаций лица; дефиниционный, контекстуальный, сопоставительный анализ, а также приемы когнитивно-психологического подхода с целью выявления иллокутивного воздействия на участников коммуникативного акта.

Научная новизна работы заключается в обосновании статуса неофициальных именовании лица как особых прагматически релевантных языковых знаков, отражающих интенции и индивидуальное знание номинатора, которые обуславливают выбор мотивирующего признака и обеспечивают номинативную множественность субъекта. Установлены основные категориальные признаки неофициальных именовании лица, определена специфика их лингвопрагматической корреляции с официальными именами, выявлены их структурно-семантические, словообразовательные и прагматические характеристики. Обоснована функционально-прагматическая смещенность прозвищных именовании лица, доказана высокая степень их полифункциональности и прагматической сложности в художественном текстовом пространстве классической и современной прозы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты будут способствовать развитию положений антропоники, в том числе и «неофициальной», а также дальнейшему изучению оценочной семантики. Кроме того, результаты анализа могут послужить исходным пунктом для сопоставительного исследования неофициальных именовании лица в различных лингвокультурных ареалах. Работу можно считать определенным вкладом в разработку словообразовательного моделирования вторичных номинаций лица. Изучение функционирования неофициальных именовании лица в художественном тексте дополняет лингвокультурной информацией сопоставительного плана теорию вторичной номинации, теорию перевода и межкультурной коммуникации.

Практическая ценность работы определяется тем, что материалы и результаты исследования могут быть использованы в вузовских обязательных и факультативных курсах общего языкознания, социолингвистики, лингвокультурологии, лексикологии, стилистики английского языка, теории и практики перевода с английского языка на русский, в спецкурсах по межкультурной коммуникации и прагмалингвистике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Неофициальное именование лица – это любое наименование человека (неофициальная форма личного имени, модифицированная или искусственная фамилия, прозвище), созданное в результате свободного

имятворчества вне официального процесса номинации и преследующее сугубо прагматическую цель – выражение экспрессии межличностных отношений. Речевая природа неофициальных именований лица обуславливает их статус как особых прагматически релевантных языковых знаков, отражающих интенции и индивидуальное знание номинатора, которые являются определяющими при выборе мотивирующего признака и обеспечивают номинативную множественность субъекта.

2. Для неофициальных именований лица характерны следующие категориальные признаки: вторичность номинации, ярко выраженная референтность, мотивированность значения и его непредсказуемость, нерегламентированность, прагматически обусловленная нестатичность, иллокутивность, характерологичность, образность, коннотативность, сниженность, отличающие их как от стилистически немаркированных антропонимов, так и от других номинативных единиц. Общность официальных имен и неофициальных именований лица проявляется в их соотносительности (референтности) как номинативных знаков с объектами одного и того же предметного ряда – одушевленными лицами; основное прагматически релевантное различие определяется разными сферами их функционирования. При переходе в неофициальную сферу официальное имя подвергается деминутивной деривации, эллипсису и иной трансформации, накладывающими табу на его применение в официальной сфере.

3. Неофициальные именования лица характеризуются своей структурно-семантической и словообразовательной спецификой. Словообразовательная нестандартность и окказиональность обеспечивают ярко выраженный динамизм и гибкость неофициальных именований лица. Наибольшим разнообразием словообразовательных моделей (на основе прилагательного, нарицательного существительного или глагольного сочетания, к которым добавляются титульные приложения, на основе качественных модификаций личных имен и фамилий, а также посредством метафорического переноса) отличаются прозвища как универсальный способ лаконичной оценочной характеристики лица.

4. Для прозвищных именований, не содержащих в своей структуре имени денотата, характерна функционально-прагматическая смещенность: они не столько называют объект, сколько его характеризуют. Ослабление референтной соотносительности компенсируется усилением в их внутренней форме характеризующих сем.

5. Базовые функции неофициальных именований лица (номинативная и коммуникативная) осложняются в художественном текстовом пространстве идентифицирующей, характерологической, оценочной,

аттрактивной, эмотивной, социально- и гендерно-различительной функциями, обеспечивающими высокую степень их полифункциональности и прагматической сложности. Формирование неофициальных именований лица детерминировано социальной средой и межличностными отношениями номинатора и номинируемого, а их выбор – функциональным предназначением, эмпатией номинатора, что доказывает экстралингвистическую обусловленность данных единиц. Как языковые знаки неофициальные именованья лица служат не только в качестве номинаций объекта, но и являются носителем определенного фрагмента лингвокультурной реальности.

6. Для произведений современной литературы характерно, в отличие от классической, более широкое использование неофициальных именований лица, косвенно отражающее снижение стандарта общения в современном обществе. При этом категории пейоративно-оценочных именований как в английском, так и в русском языках практически совпадают, что свидетельствует об универсальной природе восприятия сходных качеств человека разными культурами, а, следовательно, и языковой картиной мира в целом.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на научных семинарах кафедры теории и практики перевода Ставропольского государственного университета. Результаты диссертационного исследования представлены в докладах на Международных научных конференциях (Невинномысск, 2009, 2010; Нижний Новгород, 2010; Москва, 2011); на Всероссийской научной конференции (Уфа, 2010); на региональной научно-практической конференции (Ставрополь, 2008). По теме диссертационного исследования опубликовано 10 работ общим объемом 3 п.л., в том числе 2 статьи в научных журналах (Москва, 2011; Тамбов, 2012) и 2 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ (Вестник СГУ, Ставрополь, 2010; Вестник развития науки и образования, Москва, 2012).

Структура работы. Работа включает введение, три главы, заключение, список научной литературы (183 наименования), лексикографических источников и источников языкового материала (41 наименование).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначены объект и предмет исследования, его цель и задачи, обоснованы методы описания материала, определены актуальность диссертационной работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены теоретическая основа исследования, положения, выносимые на защиту, отмечена апробация исследования.

В первой главе «Статус, функции и особенности вторичной номинации лица как объекта лингвистического исследования» рассматриваются следующие проблемы: статус, функциональные особенности, специфика мотивированности неофициальных именовании лица (далее – НИЛ), их отличие от официальных именовании.

Антропонимические аспекты все чаще попадают в фокус научных исследований российских и зарубежных лингвистов. Особый интерес для нашей работы представляют труды О.И. Александровой (1973), В.Д. Бондалетова (1983), В.А. Никонова (1974), А.М. Селищева (1968), А.В. Суперанской (1969, 1973, 1978), В.К. Чичагова (1959), А. Гардинера (Gardiner, 1940) и других ученых, в которых рассматриваются общие вопросы ономастики, происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ, их классификации и функции в языке. Комплексному исследованию коллоквиальных аспектов НИЛ способствуют значительные достижения в разработке теоретических проблем разговорной речи в научных трудах В.Д. Девкина (1971, 1979), О.А. Костровой (2004), О.А. Лаптевой (2003), О.Б. Сиротининой (1974), Л.П. Чахоян (1979) и других ученых. Но такой класс антропонимов, как неофициальные имена лица, остается до сих пор недостаточно изученным, кроме того, прослеживаются лакуны в исследовании отечественными учеными данной проблематики на материале иностранных языков, в том числе на основе именовании в германоязычном ареале. Особого внимания заслуживают в этом аспекте работы О.А. Леонович (1994), И.Н. Заверюха (2000), Д.И. Ермоловича (2001), С.Ю. Потаповой (2003), изучавших различные аспекты имен собственных и прозвищ в германоязычном ареале; труды В.В. Катерминой (2004), О.А. Фоменко (2003), исследовавших именовании человека на материале русского, английского языка и его американского варианта в лингвокультурологическом ракурсе, и И.С. Стахановой (2011), занимавшейся изучением структурно-семантических, лингвопрагматических и социолингвистических особенностей прозвищ русских и американских школьников, в которых, однако, описание НИЛ является одним из аспектов исследования, что еще раз подтверждает недостаточную изученность данных единиц.

НИЛ, являясь составной частью лексической системы языка, обладают как общими с официальными именами признаками, так и рядом особенностей, только им присущих. Обобщая изученную научную литературу, можно констатировать, что к общим ономастологическим признакам относятся этноязычность, знаковость, номинативность, индивидуальная референтность, отсутствие понятийности, сингулярность, одушевленность-лицо, полоразличительность, индивидуализаторность

ность (Ермолович, 2001; Потапова, 2003; Суперанская, 1970, 1973, 1978). Основные категориальные характеристики официальных и неофициальных имен представлены в таблице 2 диссертации:

Таблица 2 – Категориальные признаки официальных и неофициальных имен

Официальные именованья лица	Неофициальные именованья лица
первичность	вторичность
денотативность	референтность
статичность	динамичность
нормативность	вариативность
единичность	номинативная множественность
нейтральность	коннотативность, образность

НИЛ отражают интенции и индивидуальное знание номинатора, которые и являются определяющими при выборе различительного признака. Отправитель передает разное отношение к номинируемому субъекту, выделяет его различные характеристики, закрепляя их в имени. За отношением к имени стоит отношение к человеку, даже если не прямое, то моделируемое социально, активно вербально воздействующее на сознание носителей языка (Новикова, 2009: 293–294). Поэтому благодатным материалом для изучения прагматического потенциала имени является художественная речь, отражающая индивидуально-авторское мировидение.

Внутрилингвистические особенности НИЛ включают в себя как общие для всех единиц разговорного субъязыка черты, так и специфические признаки. К общим коллоквиальным признакам относятся, прежде всего, их стилистическая сниженность и доминирующее употребление в сфере неофициального общения. Признаками, определяющими своеобразие НИЛ, являются их функциональное предназначение и прагматический потенциал, их номинационная специфика, мотивы и особенности их образования.

С учетом объекта нашего исследования и ракурса его изучения под термином «неофициальное именование лица» мы понимаем любое зафиксированное в словаре и художественном тексте именование лица, созданное в результате свободного импровизационного творчества вне официального процесса номинации, в том числе и прозвищного характера, преследу-

ющее сугубо прагматическую цель – выражение неформальных межличностных отношений (возвеличивание личности, желание унижить человека, создание иронического эффекта и т.д.). Как показывают исследования, такие имена нередко создаются с нарушением лексико-семантической преемственности именования данного разряда онимов, а также естественного развития морфологических и фонетических процессов (Ермолович, 2001; Потапова, 2003; Стаханова, 2011). Статус НИЛ предопределяется тем, что они являются номинантами, предназначенными для неофициального общения или, интерпретируя их с позиции стилистики, для «понижения стандарта общения» (Карасик, 2002: 265).

С учетом прагматического аспекта нашего анализа важно отметить, что различие между официальными и неофициальными формами именования проявляется и в том, что, если официальное наименование лица относится к статическому (нормативному) аспекту обозначения человека и рассматривается в системе языка, то неофициальное имя – это номинативное обозначение индивида в речи, основная особенность которого состоит в том, что речевой знак, как замечает В.Г. Гак, заранее не дан, он формируется во всем многообразии своего проявления в живой речи (Гак, 1998: 578), т.е. в соответствующей коммуникативной ситуации.

Антропонимы маркируют ситуации как включения адресата в личную сферу говорящего, так и выключения из нее. К личной сфере говорящего Ю.Д. Апресян относит самого говорящего и все то, что ему близко интеллектуально, эмоционально, физически, морально (Апресян, 1995: 645–646). Одной из примечательных особенностей НИЛ является их номинативная множественность, обусловленная многогранностью человеческого бытия, разноплановостью его проявления, потенциальной «многоименностью» индивида. НИЛ может характеризовать человека в самых различных его ипостасях, как правило, с позиций той или иной социальной среды, что позволяет говорить о социальной детерминированности исследуемых образований. Важной особенностью НИЛ является его способность обладать иллюкутивной силой (Телия, 1996: 120), выражающейся в психологическом восприятии именования участниками коммуникативного акта. Все это свидетельствует о том, что НИЛ – это языковые знаки особого рода, существенно отличающиеся от официальных имен.

К разряду НИЛ принято относить: 1) редуцированные (краткие) маркированные формы личных имен, не используемые наравне с полными именами в качестве официальных (паспортных) имен, а также гипокористические (бытовые) личные имена с суффиксами ограниченного употребления; 2) полные (паспортные) личные имена и фамилии, а также

их краткие варианты в сочетании или соединении с определительными компонентами (атрибутивные и композитные имена); 3) всевозможные (графемные, фонемные, морфемные и лексемные) модификации официальных личных имен и фамилий реальных лиц (отантропонимические прозвища); 4) искусственные (специально сконструированные) и «чужие» имена, используемые для вторичной, неофициальной номинации лица (обычные и оценочные прозвищные именованья) (Потапова, 2003: 9; см. также: Ермолович, 2001: 61–75, 91–92; Никулина, 1978: 174–179; Ушаков, 1978: 164–170). К разряду НИЛ мы относим и так называемые не собственные прозвища, не имеющие в своем составе имени денотата.

Подчеркнем, что в сфере неофициального общения номинация характеризуется ярко выраженной прагматической направленностью, проявляющейся, прежде всего, в экспрессивности НИЛ, в их способности отражать в своей структуре эмоциональное отношение субъекта номинации к обозначаемому объекту, в их широком мотивационном диапазоне.

Во **второй главе** «Структурно-семантические особенности неофициальных именованья лица в лингвопрагматическом аспекте» представлены основные словообразовательные модели исследуемых именованья с учетом их лингвопрагматических и лингвокультурных характеристик.

Систематизируя наблюдения ученых (Васильева, 2005; Данилина, 1969; Ермолович, 2001; Никулина, 1978; Потапова, 2003; Суперанская, 1978; Суперанская, Сулова, 1991; Телия, 1977; Ушаков, 1978 и др.), отметим, что **превращение личного имени или фамилии денотата в неофициальное именование лица** – один из самых распространенных способов неофициального (прозвищного) имятворчества, который сопровождается их комбинацией как с различными структурными элементами антропонимов, так и с самыми разнообразными общезыковыми и сугубо специфическими деривационными средствами. Превращение имени одного уровня в имя другого уровня, официальных онимов в категорию прозвищных может осуществляться как без изменения имени денотата на основе присоединения к нему различных детерминантов, характеризующих лицо-носителя имени по какому-либо типичному для него признаку, так и путем всевозможных модификаций антропонима. Такой способ образования НИЛ позволяет произвести моделирование словообразовательного гнезда, вершиной которого является официальное имя индивида и в которое входят как «расширенные формы ядерного онима» (Антышев, 2001: 192), так и стилистически сниженные модифицированные варианты полного личного и фамильного имен, которые, попадая в фокус внимания, становятся объектом языковой игры.

Достаточно широко распространен способ образования коллоквиальных личных именованных путем модификации имени денотата, его **формального изменения** (модификационное словообразование) (Потапова, 2003: 100), позволяющего, с одной стороны, в полном объеме сохранить за ними идентифицирующую способность, а с другой, рассматривать их как стилистически сниженные лексические единицы, относящиеся к сфере неофициального общения. В результате такой модификации личного имени или фамилии получается именование, отличное от исходного по форме, но тождественное по содержанию. Характерной особенностью значительной части НИЛ данного разряда является наличие в них определенного семантического содержания, что обусловлено функционально-прагматическим предназначением таких номинативных единиц.

Большим разнообразием словообразовательных моделей характеризуются **прозвища**, заключающие в себе универсальный способ дать человеку такую лаконичную характеристику, которая в противном случае могла бы потребовать более развернутой формулировки. В английском языке продуктивной является модель образования прозвищ на основе прилагательного, нарицательного существительного или глагольного сочетания, к которым добавляются титульные приложения *Mr, Miss, Mrs, Lady, Sir* и некоторые другие: *Mr. Big* (Bushnell. *Sex and the City*, 2009: 44) – *мистер Биг* (или *Мужчина Мечты*) (Бушнелл. *Секс в большом городе*, 2007: 68, 185), *Mr. Nobody from Nowhere* (Fitzgerald. *The Great Gatsby*, 2008: 172) – *мистер Невесть Кто, Невесть Откуда* (Фицджеральд. *Великий Гэтсби*, 2007: 140) и др.

Такие прозвища используются, как правило, по конкретному поводу, однократно или несколько раз в пределах одной коммуникативной ситуации и не отличаются устойчивостью. Важно отметить, что подобная ситуация наблюдается и в русском языке, что свидетельствует об универсальном характере данной модели (ср., например: *Мисс Россия, Мисс фестиваля* и т.д., где *Мисс* – титул победительницы в конкурсе красоты, симпатий зрителей и т.д. (Ожегов, 2008: 468), *королева Марго* (Вильмонт. *Крутая дамочка...*, 2009: 44–45), *Доктор Трунов* (ирон. прозвище врача, работающего в морге) (Вальтер, Мокиенко. *Большой словарь...*, 2007: 198) и др.

Одним из наиболее продуктивных способов образования НИЛ является **использование прецедентных имен**. Под прецедентным именем, вслед за Д.Б. Гудковым, мы понимаем «индивидуальное имя», связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям

языка и выступающей как прецедентная (Гудков, 1998: 83). Использование прецедентного имени для характеристики того или иного субъекта позволяет не только отнести его к определенному классу объектов, эталоном которого является означаемое прецедентное имя, но и эксплицировать субъективную эмотивную оценку этого объекта говорящим (Гудков, 2003: 158). Значительный коммуникативно-прагматический потенциал демонстрирует целый ряд прецедентных имен, зафиксированных в исследуемых нами произведениях, а также в словарях: *Faust* (Dreiser. *Sister Carrie*, 1968: 216) – *Фауст* (Драйзер. *Сестра Керри*, 1983: 171), *Bluebeard* – *Синяя борода, женоубийца* (Англо-русский словарь Т. 1: 249), *Don Juan* – *донжуан, обольститель, волокита* (Англо-русский словарь. Т. 1: 604), *Magdalene* – *раскаявшаяся грешница* (Англо-русский словарь. Т. 2: 393), *Ariel* – *добрый гений* (Англо-русский словарь. Т.1: 139), *Сонечка Мармеладова* (Куприн. *Яма*, 2007: 68) и др.

В основе переноса имен лежит ассоциативная обусловленность последних, проявляющаяся в процессе их употребления в речи (Суперанская, 1973: 185). Активное употребление прецедентных имен на месте «синонимичных» им предикатных слов объясняется тем, что эти имена совмещают в себе номинативную и прагматическую функции, что приводит к экономии языковых средств, характерной для экспрессивной речи (Телия, 1986: 14). В переносном значении антропонимы выступают в тех случаях, когда они служат средством образной характеристики и могут быть отнесены к иным референтам, чем в прямой номинативной функции. Поэтому в ряде работ это явление называется вторичным переименованием: «В стилистическом плане вторичное окказиональное переименование является источником образной экспрессии и лежит в основе формирования ряда лексических стилистических приёмов, таких как метафора, метафорический эпитет и др.» (Серебренников, 1977: 90).

Отметим, что множественные антропонимы обретают вторичную номинативную функцию благодаря случайно возникающим ассоциациям, которые впоследствии могут закрепляться в речевой практике и фиксироваться в словарях. Переносные значения у этой категории имён могут образовываться на основе одного из трёх признаков: признак принадлежности к человеческому обществу; родовой; национально-языковой. Однако большие группы множественных антропонимов не отличаются один от другого по набору семантических признаков и поэтому выбор того, а не иного имени в переносном значении в известной мере случаен.

Ведущим во вторичной номинации может быть и национально-языковой признак, и тогда мы имеем дело с так называемыми **этническими**

кличками, обозначающими (часто пренебрежительно или шутивно) «типичного» представителя какой-либо национальности, например: *Mac* – презр. *Мак* (кличка шотландца) (Англо-русский словарь Т. 2: 389), *Aussie* – разг. *австралиец*, особ. *австралийский солдат*; *австралийка* (Англо-русский словарь. Т. 1: 163), *Nip* – пренебр. *япошка* (Англо-русский словарь. Т. 2: 520), *колбаса*, *колбасник*, *копченый*, *фриц*, *Адам Адамыч*, *Бауер* (Walter, Mokienko. Russisch-Deutsches..., 2001: 73) – прозвища немцев, *франк*, *френч* (Елистратов. Словарь моск. арг. 1994: 511–512; Мокиенко, Никитина. Большой словарь рус. жарг., 2000: 632–633) – прозвища французов и др.

В отличие от множественных, единичные антропонимы обладают более богатой смысловой структурой, что позволяет им регулярно выступать в качестве характеризующих словесных знаков при вторичной номинации. Если условно представить себе некоторый путь, который имя собственное преодолевает в направлении перехода в разряд имен нарицательных, то ближе всего к первичному значению имени собственные оказываются в сравнениях. Дальнейший перенос номинации может идти по двум возможным направлениям: метафора (перенос наименования по сходству) и метонимия (перенос наименования по смежности). Анализ содержащихся в нашей картотеке антропонимических сравнений показал, что отличительной чертой сравнения является то, что оно получает формальное выражение посредством таких маркеров, как: *as, such as, as if, like, seem / как, как будто, подобно, чувствовать себя как, быть похожим на, почти* и др.:

‘I’m like the poor Queen of Sheba...’ (Hardy. Tess of the D’Urbervilles, 1994: 161). – *Я похожа на несчастную царицу Савскую из Библии* (Гарди. Тэсс из рода д’Эрбервиллей, 1983: 151).

... *Под роялем стояли картонные ящики, привезенные с дачи и прикрытые старым покрывалом с двуспальной кровати. Она чувствовала себя почти Шлиманом, раскапывающим Трою.* (Вильмонт. Крутая дамочка..., 2009: 122).

Важно отметить, что атрибутивные конструкции, выступающие в таких стратегиях подачи ономастической информации, как ономастически приоритетная и с двойной апеллятивной поддержкой, являются доминирующими среди всех составных именовании, зафиксированных в исследуемых нами художественных текстах. При этом именовании с постпозитивным атрибутом отличаются большей степенью экспрессивности и большим прагматическим потенциалом, так как дескриптивное употребление оценочного имени в правом поле собственного име-

ни воспринимается как стилистически выделенное и, соответственно, прагматически значимое:

Она уже не была больше Манька Маленькая и не Манька Беленькая, а была Манька Скандалистка. (Куприн. Яма, 2007: 133),

'This leading pedestrian was Car the Queen of Spades, who carried a wicker-basket containing her mother's groceries...' (Hardy. Tess of the D'Urbervilles, 1994: 81) – *Вожском группы была Кар-Пиковая Дама, которая несла плетеную корзину со своими обновками и провизией, закупленной ее матерью...* (Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервиллей, 1983: 86).

Можно констатировать, что словообразовательная узуальность не является характерной чертой неофициальных именовании лица. Напротив, окказиональные именовании, появляющиеся благодаря случайно возникающим ассоциациям, являются доминирующими среди неофициальных.

Таким образом, НИЛ не только обладают своим собственным номинативным статусом, но и характеризуются структурно-семантической и словообразовательной спецификой. Последняя предопределяется тем, что все НИЛ в ономаσιологическом отношении монолитны (обозначают лицо), при этом они характеризуются большим разнообразием по своему происхождению и составу, неоднородностью по своей внешней форме, что затрудняет унифицирование их словообразовательных и структурно-семантических характеристик.

В третьей главе «Функционально-прагматические особенности неофициальных именовании лица как компонентов художественного текста» устанавливаются особенности функционирования НИЛ в художественных текстах на английском и русском языках. Как показало исследование, к базовым функциям, на основе сопровождения которых могут проявляться и все другие, относятся *номинативная* и *коммуникативная*, проявление которых свидетельствует о том, что неофициальное именование лица не только участвует в процессе именовании, выражает дифференциальные и характеризующие признаки объекта, но и служит основой сообщения, как это следует из приводимого ниже высказывания главной героини романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»:

'Mrs. Crick is gone to market with Mr. Crick, and Retty is not well...' (Hardy. Tess of the D'Urbervilles, 1994: 218) – *Миссис Крик поехала на базар с мистером Криком, Рэтти не здорова...* (Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервиллей, 1983: 196). Если для номинации владельца мызы и его жены Тэсс использует официальные имена (она была не только моложе, но и являлась их работницей), то свою подругу она зовет *Рэтти*, так как для дружеского и равноправного общения с нею официальный стиль просто неуместен.

Относительно **идентифицирующей** функции следует отметить, что для маркирования объекта лучше всего приспособлены неофициальные именованья с конкретной референцией: *Aby – Abraham, Lu – Eliza – Louisa, Tessy – Teresa, Jacky – Jack, Левочка – Лев, Оленька – Ольга* и др. Как и официальные антропонимы, они, соотносясь с конкретным денотатом и выделяя его из социума, наиболее четко идентифицируют индивид, в чем и заключается их основная номинативная функция.

Менее пригодны для идентификации субъекта образования, не содержащие в своей структуре имени денотата, т.е. так называемые «не-референтные» имена, которым присуща ярко выраженная **характеризующая функция**, «функция предиката», по определению Н.Д. Арутюновой (1998: 348). В этой группе выделяются **качественные и оценочные** имена, основная часть семантического содержания которых указывает не на объективные признаки лица, известные данному языковому сообществу, а на субъективное мнение номинатора о носителе имени (Вежицкая, 1982: 239). По нашим наблюдениям, данные номинации используются не столько для идентификации лица, сколько для его оценочной характеристики, при этом их референтность возможна лишь в рамках ограниченного коллектива, когда участники коммуникации знают, о ком идет речь, что можно проиллюстрировать следующими контекстами:

'Very well, Miss Independence' (Hardy. Tess of the D'Urbervilles, 1994: 80). – *Ладно, глупышка, как хотите* (Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервиллей, 1983: 85).

'Now, Miss Flirt, before you go down, he said peremptorily' (Hardy. Tess of the D'Urbervilles, 1994: 234). – *Ну-с, мисс кокетка, – повелительно сказал он, подождите минуту!* (Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервиллей, 1983: 209).

Манера поведения героини в той или иной ситуации, а также в общении с определенными людьми, побуждает субъектов номинации называть ее в одном случае *Miss Flirt* (кокетка), в другом *Miss Independence* (букв.: *Мисс Независимость*; в официальном переводе *глупышка*).

Не менее показателен и следующий контекст:

– *Ну, так ты уж сама придумывай. Олеся, как лучше. Тебе придется выбирать между мной и бабушкой. Но только знай одно – что без тебя мне и жизнь будет противна.*

– *Солнышко мое!* – с глубокой нежностью произнесла Олеся. – *Уж за одни твои слова спасибо тебе... Отогрел ты мое сердце...* (Куприн. Олеся, 2008: 244).

Для «чистых предикатов» (Арутюнова, 1998: 63) характерно еще большее ослабление идентифицирующих качеств:

'He little thought that the Magdalen might be at his side' (Hardy. Tess of the D'Urbervilles, 1994: 167). – *Ему и в голову не приходило, что подле*

него, быть может идет *Магдалина* (Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервиллей, 1983: 156). Данное прецедентное имя не только максимально лаконично характеризует главную героиню романа, как это отмечает сам автор, но и является тематически уместным среди именовании, используемых в данном контексте и являющихся библейскими и античными именами:

'... if they were Adam and Eve. ... He called her Artemis, Demeter, and other fanciful names'... (Hardy. Tess of the D'Urbervilles, 1994: 167). – ... *словно они были Адамом и Евой. ... Полушутя называл он ее Артемидой, Деметрой и другими причудливыми именами...*» (Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервиллей, 1983: 156).

В романе А. Куприна «Яма» один из героев называет себя прекрасным Иосифом (Иосиф Прекрасный – юноша, которого, согласно библейскому преданию, безуспешно пыталась соблазнить жена египетского сановника Пентефрия) с целью наиболее точно описать взаимоотношения с любимой женщиной:

...изжившийся, затасканный мужчина, изгрызенный и изжеванный челюстями любовных страстей, никогда уже не полюбит крепкой и единой любовью, одновременно самоотверженной, чистой и страстной... И нередко он с горечью и насмешкой думал про себя:

«Каждый вечер я играю роль прекрасного Иосифа, но тот по крайней мере хоть вырвался..., а когда же я, наконец, освобожусь от своего ярма?» (Куприн. Яма, 2007: 194).

Прагматический компонент значения, который содержится в структуре таких образований, более чем достаточен для того, чтобы они выполняли функцию предикации, но его явно недостаточно, если не привлечь необходимые средства в границах более широкого контекста для того, чтобы они были способны выполнять идентифицирующую функцию. Так, из приведенных в тексте диссертации более обширных контекстов (с. 123–124) понятно, почему героиню называют то Артемидой, то Деметрой, богиней, воплощением женственности и красоты. Акцентируется не просто внешнее сходство с эталоном, в большей степени это «субъективное» мнение номинатора (Энджела, влюбленного в Тэсс), использующего прагматически нагруженные именованья с целью воздействия на девушку – вызвать к себе доверие, симпатию, а не просто выразить свое восхищение и продемонстрировать нежность и любовь. В данном случае мы также можем говорить о **фасцинативной** функции именованья.

Наиболее приспособленными для выполнения **характеризирующей** функции являются прозвища: *Lord Skanks* (Bushnell. Sex and the City, 2009: 50) – *лорд Страхолудс* (Бушнелл. Секс в большом городе, 2007:

75), *вампириша* (шк. презр.) – классная руководительница (Вальтер, Мокиенко, Никитина. Словарь рус. шк. и студ. жарг., 2003: 30), *спагетта* (*Спагетта Макароновна*) (оренб. шк. шутл.-ирон.) – прозвище высокой и худой женщины, образованное контаминацией слов спагетти и макарон по модели женского имени и фамилии (Вальтер, Мокиенко. Большой словарь..., 2007: 514) и мн.др. Отметим, что общее число всех НИЛ в произведениях классической литературы конца XIX – начала XX вв. значительно меньше количества официальных антропонимов, в отличие от современных текстов, что свидетельствует о жанровой и стилистической специфике классических произведений, когда данные именованья не достигли такой полифункциональности и массового использования, как в современном обществе, имеющем тенденцию стирать границы между людьми и придерживаться неофициального приятельского общения.

Социально-различительная функция помогает дифференцировать коммуникантов в зависимости от их социального и общественного положения. Люди, находясь в различных социальных условиях (семья, место работы, общественная организация и т.д.), могут именоваться неофициально по-разному. В подавляющем большинстве данные именованья представлены формами кратких звательных имен: *Aby* (Hardy. Tess of the D'Urbervilles, 1994: 34) – *Эбу* (Гарди. Тэсс из рода д'Эрбервиллей, 1983: 45), *Willie* (Maugham. Cakes and Ale, 2005: 103) – *Уилли* (Моэм. Пирог и пиво, или Скелет в шкафу, 2004: 232), *Pammy* (Fitzgerald. The Great Gatsby, 2008: 155) – *Пэмми* (Фицджеральд. Великий Гэтсби, 2007: 127), *Аркаша* (Лесков. Тупейный художник, 2008: 161), *Аля* (Вильмонт. Крутая дамочка..., 2009: 144), *Марго* (Вильмонт. Крутая дамочка..., 2009: 241), *Леша* (Вильмонт. Крутая дамочка..., 2009: 295) и др.

Варианты антропонимов служат одним из важнейших прагматических средств сокращения дистанции в речевом общении, обеспечивая реализацию различных речевых стратегий: уничижительных, возвеличивающих, фамильярных, отчуждающих и т.п. Меняя сферу функционирования, – отмечает А.В. Суперанская, – «имя неизменно подчиняется господствующей системе с ее закономерностями и претерпевает значительные преобразования» (Суперанская, 1973: 163). Чаще всего при переходе в неофициальную сферу имя подвергается демунивативной деривации, эллипсису и иной трансформации, накладывающими табу на его применение в официальной сфере: *Лев Александрович* – *Левка*, *Виктория* – *Тошка*, *Виктория* – *Таська* (Вильмонт. Крутая дамочка..., 2009).

Оценочная специфика НИЛ обуславливается *прагматической функцией*, проявляющейся в их способности выражать одобрение и неодобрение, уважение и презрение, похвалу и порицание и т.д. При этом они отличаются ярко выраженной коннотативностью, так как в их семной структуре проявляется фактически весь основной набор коннотативных компонентов. В качестве примера представим фрагмент таблицы 5 диссертационного исследования (см.: с. 128–130):

Таблица 5 – Функциональная специфика текстовой парадигмы имени главной героини романа Т. Гарди «Тэсс из рода д’Эрбервиллей»

НИЛ	Основная функция	Второстепенная функция	Прагматический комментарий
Tessy	номинативная, коммуникативная, идентифицирующая	прагматическая	с любовью, нежностью
my Fellowship	прагматическая, номинативная,	коммуникативная	с восхищением, любовью, доверием
the Magdalen	прагматическая, характеризующая	номинативная	с сочувствием и пониманием
Demeter	прагматическая, характеризующая, коммуникативная, фасциативная	номинативная	с восхищением
young witch	прагматическая, характеризующая, коммуникативная	номинативная	с неодобрением, сарказмом

Одним из важных прагматических аспектов является осознание условий речи, в которых уместно использовать наименования лица (неофициальная сфера общения, форма предъявления: в глаза, за глаза, с глазу на глаз). Показательный пример зафиксирован нами в романе Т. Драйзера «Дженни Герхард». Когда родной брат главной героини Себастьян не хочет, чтобы люди на улице поняли, что он хоть как-то знаком с кем-то из Герхардов (детей), он намеренно просит их называть себя «*мистер*», тем самым искусственно создавая официальную сферу общения со своими родными, которые в привычной домашней обстановке называют его просто *Басс*: *'Oh, Bass, won't you go with me to get*

any coal! (Dreiser. Jennie Gerhardt, 1972: 40). *'I'll tell you what to do, Jen, he said.'* *You go over there ...Just you say, 'Mister, won't you please throw us some coal down?'* (Dreiser. Jennie Gerhardt, 1972: 40-41). – *Басс не хочет идти со мной за углем* (Драйзер. Дженни Герхардт, 2006: 32). *Вот что, Джен. Ты иди с малышами ... Просто скажите: «Мистер, сбросьте нам, пожалуйста-ста, немножко угля!»* (Драйзер. Дженни Герхардт, 2006: 33).

Важность выявления экстралингвистической детерминированности НИЛ заключается в том, что в них в большей степени, чем в других классах лексик, отражается культура и социальная жизнь общества, они острее реагируют на всевозможные общественные изменения. Этнонациональное поле имени способствует его более точному восприятию, более четкой соотнесенности с соответствующей языковой подсистемой. НИЛ, используемые в текстах исследуемых англоязычных произведений, воплощают реальные черты действительности, эксплицируя национально-культурные особенности Англии и США определенного периода. Самым ярким из них является прозвище знаменитой актрисы Лили Лэнгтри (1852 – 1929), слывшей одной из первых красавиц Англии, которое используется при описании одной из героинь романа С. Моэма «Пирог и пиво, или Скелет в шкафу» не только для того, чтобы подчеркнуть красоту героини, но и с целью представить ее как идеал (*Миссис Хадсон была живая, светлая женщина..., с самыми жизнерадостными черными глазами, ...у нее было золотое сердце (...), а готовила она превосходно...* (Моэм. Пирог и пиво..., 2004: 258):

'She had a great deal of very dark hair, in the afternoons and all day on Sunday arranged in a fringe on the forehead with a bun at the nape of the neck as you may see in old photographs of the Jersey Lily...' (Maugham. Cakes and Ale, 2005: 141). – *Свои пышные, очень темные волосы она каждый вечер и каждое воскресенье собирала в пучок на затылке, оставляя на лбу маленькую челку, как можно сейчас видеть на старых фотографиях Джерсейской Лили...* (Моэм. Пирог и пиво, или Скелет в шкафу, 2004: 258).

Наличие имен представителей той или иной эпохи, определенного этноса (*the nineties equivalent of Mary Tyler Moore* (Bushnell. Sex and the City, 2009: 2009: 25) – *этакая Мэри Тайлер Мур эпохи девяностых* (Бушнелл. Секс в большом городе, 2007: 42), *Шлиман, раскапывающий Трою* (Вильмонт. Крутая дамочка..., 2009: 122) отражает их значение для нескольких поколений.

В **Заключении** отмечается, что исследование художественных текстов показало, что экспрессивно-оценочные именованья – класс весьма многочисленный и разнообразный, что подтверждает вывод о том,

что ведущей функцией НИЛ наряду с номинативной является **прагматическая**. Формирование НИЛ детерминировано социальной средой и межличностными отношениями номинатора и номинируемого, а их выбор – функциональным предназначением, эмпатией номинатора, что является доказательством экстралингвистической обусловленности данных единиц. Как в русском, так и в английском языках категории пейоративно-оценочных именовании являются доминирующими. Более широкая палитра неофициальных номинаций современных произведений английской и русской литературы, в отличие от классических, свидетельствует об универсальном характере снижения стандарта общения в современном обществе.

Полученные результаты исследования позволяют наметить открывающуюся перспективу: дальнейшее изучение неофициальных номинаций лица, более подробное рассмотрение их структурно-семантических особенностей ввиду отсутствия четко установленных моделей последних, а также изучение неофициальных номинаций в рамках других дискурсов.

Основные положения работы изложены в следующих публикациях:

1. Москаленко Е.А. Функционально-прагматическая специфика неофициальных именовании в художественном тексте [Текст] / Е.А. Москаленко // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – Вып. 66(1). – С. 227-232. – [Статья. – 0,4 п.л.]. – *[Издание из перечня ВАК РФ]*.

2. Москаленко Е.А. Экстралингвистическая детерминированность неофициальных именовании лица [Текст] / Е.А. Москаленко // Вестник развития науки и образования. – М.: Наука образования, 2012. – № 2. – С. 112-114. – [Статья. – 0,3 п.л.]. – *[Издание из перечня ВАК РФ]*.

3. Москаленко Е.А. Корреляция «Имя собственное – имя нарицательное» [Текст] / Е.А. Москаленко // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. научных трудов. Вып. 17. – Ставрополь: «Кавказский край», 2008. – С. 139-142. – [Статья. – 0,4 п.л.].

4. Москаленко Е.А. Специфика мотивированности неофициальных номинаций лица [Текст] / Е.А. Москаленко // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы II междунар. научно-практ. конф. Т. IV: Филологические науки. – Невинномысск: НИЭУП, 2009. – С. 227-230. – [Статья. – 0,5 п.л.].

5. Москаленко Е.А. Ономастологическая общность официальных и неофициальных именовании лица [Текст] / Е.А. Москаленко // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы III междунар. научно-

практ. конф. Т. II: Филологические и юридические науки. – Невинномысск: НИЭУП, 2010. – С. 192-194. – [Статья. – 0,2 п.л.].

6. Москаленко Е.А. Прагматические особенности неофициальных именовании лица [Текст] / Е.А. Москаленко // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Сб. материалов междунар. научной конф. Ч. 2. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. – С. 41-43. – [Статья. – 0,2 п.л.].

7. Москаленко Е.А. Составные именовании как маркеры повышенной идентификации [Текст] / Е.А. Москаленко // Актуальные проблемы современной науки и образования: Материалы всеросс. научно-практ. конф.: Филологические науки. Т. V. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 209-211. – [Статья. – 0,2 п.л.].

8. Москаленко Е.А. Оказиональные способы образования неофициальных именовании лица [Текст] / Е.А. Москаленко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 102-104. – [Статья. – 0,3 п.л.].

9. Москаленко Е.А. Коннотативное значение как маркер формирования новых смыслов [Текст] / Е.А. Москаленко // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: Сб. статей. Вып. 15. – М.: ИЯ РАН, 2011. – С. 732-736 – [Статья. – 0,3 п.л.].

10. Москаленко Е.А. Функционально-прагматические особенности оценочных неофициальных именовании лица [Текст] / Е.А. Москаленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 1 (12). – С. 114-115 – [Статья. – 0,2 п.л.].

Подписано в печать 23.04.12

Формат 60x84 1/16	Усл.печ.л. 1,34	Уч.-изд.л. 1,21
Бумага офсетная	Тираж 120 экз.	Заказ 97

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
Ставропольского государственного университета.
355009, Ставрополь, ул.Пушкина, 1.